

“К гению прикосновение”**А. М. Мархашов*****“Contacting with the genius”****A.M. Markhashov**

...И ВОЗДАЙ НАМ ДОБРОМ...

Разработанный нами аппарат для позвоночника человека нуждался в клинической апробации. Первая попытка открыть в клинике КНИИЭКОТ отделение вертебрологии окончилось неудачей. Заведующий отделением нейрохирург А. А. Корнеев, освоивший работу и методику крепления на позвонки разработанного нами аппарата, провел апробацию на биоманекенах, но дальше не пошел. Обстановка, сложившаяся в институте вокруг этого отделения, не позволяла приступить к работе. Отделение закрыли, не сделав ни одной операции на позвоночнике.

Аппарат, подобный позвоночнику человека, разработали и на позвоночник животного. Это были 1984-1985 годы. Мы поставили новые эксперименты: моделирование травмы позвоночника. В задачи эксперимента входили вопросы определения уровней фиксации аппарата к позвонкам, компоновки аппарата и варианты его. Отработка возможности управления аппаратом с целью сближения позвонков, растяжения их, перемещения, изменения формы отдела, сроки фиксации позвонков аппаратом. Влияние стабильности аппарата на процессы регенерации.

Результаты, полученные нами в этом эксперименте, показали, что регенерация позвонков при стабильной их фиксации происходит ангиогенным путем, т. е. первичным костеобразованием, минуя соединительнотканную и хрящевую стадии, сопутствующие регенерации в условиях нестабильной фиксации позвонков.

Диапазон аппарата показал широкие его возможности. С помощью аппарата, закрытым, бескровным путем удастся сопоставить смещенные позвонки после перелома-вывиха. Устранить закрытым путем, без применения скальпеля, смещенный в позвоночный канал костный фрагмент тела позвонка (так называемый клин Урбана), устранить сдавливание корешков при

травматических повреждениях тела позвонка и межпозвонкового диска. Последовательно осуществить коррекцию позвоночника при его искривлении.

Эти эксперименты проводились на животных, которые находились в питомнике и на породистых собаках, получивших бытовые травмы. Им оказывали ветеринарную помощь и изучали на них новые способы лечения. Так, на породистой собаке «Анчар», поступившей в клинику животных после автомобильной травмы с диагнозом перелома-вывих позвонков в среднем грудном отделе и с посттравматической деформацией грудной клетки.

На собаке применили новый способ, который позволил бескровным путем с помощью аппарата репонировать позвонки, устранить их смещение по длине и ширине, восстановить ось позвоночника, исправить деформацию грудной клетки. После операции, принимавшие в ней участие сотрудники, не скрывая своих эмоций, с максимальным удовлетворением высказывали слова восхищения. Мне самому в эти минуты хотелось поехать к Илизарову и низко поклониться ему за создание им аппарата и чудодействующие его возможности.

Новая операция, выполненная на собаке «Саймонд», у которой случился компрессионный перелом тела позвонка со смещением последнего в позвоночный канал и сдавивший спинной мозг. Это уникальная операция выполненная впервые, позволила закрытым путем — аппаратом — устранить костный фрагмент тела позвонка из позвоночного канала, затем сопоставить костные фрагменты, и освободить спинной мозг от давления на него фрагментом кости. Такой способ дает возможность при свежих переломах тела позвонка с проникновением его в позвоночный канал, без радикального, кровавого вмешательства оказать больным с травмой позвоночника высокий лечебный эффект.

* См. начало в журнале «Гений ортопедии» № 3, 4 за 1997г., № 1, 2 за 1998г.

На оба рассказанных способа поданы заявки на изобретения и получены положительные решения. Появились уже и оппоненты. Вообще, удивительна природа человека! Стоит только что-то сделать новое, как сразу появляются несогласные. Не успев вникнуть в суть предложения, они уже возражают. Иногда, слушая таких оппонентов, я думаю и задаю себе вопрос: «Ну почему этот человек не рыба?»

На этот раз оппонентами стали нейрохирурги. Они считают, что при любой травме, сопровождающейся повреждением спинного мозга, необходима его ревизия. Она обычно проходит с рассечением мягких тканей, вскрытием позвоночного канала. Я с этим не спорю. Надо, так надо. Но есть случаи, когда ревизию спинного мозга делать не следует. Вот тут-то и годен предложенный способ. Практика покажет, что наш способ устранения закрытым путем клина Урбана найдет себе дорогу. В этом я уже не одинок, появились сторонники вертебрологии из Свердловского НИИ травматологии. Они считают, что способ перспективен и оппонировать нейрохирургам. В любом случае при повреждении тела позвонка с внедрением его в позвоночный канал нужна стабильная фиксация позвонков, она достигается нашим аппаратом для позвоночника.

Демонстрация результатов стала привлекать внимание хирургов-вертебрологов. Появился интерес к аппарату! Первые биомеханические и клинические апробации начались после объединения Курганского института травматологии и ортопедии со Свердловским НИИ и Казанским НИИ.

Процесс освоения аппарата для позвоночника человека шел трудно. Во-первых, необходим был хороший металл, сочетающий в себе биоинертность и прочность. Появились, во-вторых, трудности фиксации самонарезающихся стержней в позвонки. Эти этапы проходили поразному. В Свердловском НИИ появилось негативное отношение к аппарату без видимых на то причин. Но апробацию аппарата там проводили. Через несколько лет, когда хирурги-вертебрологи из Свердловска разобрались в аппарате, увидели, какие возможности он содержит, и стали получать хорошие результаты, они приехали ко мне и принесли извинения за оказанное мне в свое время недоверие. Более быстро адаптировался аппарат в Казанском НИИ. Правда, первая попытка наложения аппарата на больного окончилась неудачно, и его сняли с больного. Дело заключалось в том, что, получив от нас аппарат, там его не стали применять, а сделали свой по нашей конструкции, в частном порядке, использовав для этого, видимо, не совсем подходящий металл. У больного по всем самонарезающимся стержням наступи-

ло воспаление в тканях. Аппарат срочно сняли, здоровье больного не пострадало. Другому больному хирурги наложили тот аппарат, который дали мы. Все обошлось благополучно.

Простота конструкции аппарата вызывала у иных вопросы, почему он сделан в Курганском НИИ, а не в Свердловском или Казанском. Кстати, коллеги из Казанского НИИ предложили свой аппарат, сделанный, однако, на базе нашей конструкции. Поданная ими заявка на изобретение была отклонена со ссылкой, что это аппарат Илизарова-Мархашова. Более того, им посоветовали впредь так не поступать.

Об этом мне рассказали сами авторы заявки. Они извинились. Но в целом аппарат впервые пошел в Казани благодаря доктору медицинских наук Е. К. Валееву и Л. З. Генфальду. Прекрасные хирурги, сделав первые 9 операций на больных с заболеванием позвоночника, применив для лечения аппарат, они получили положительные результаты.

Я передал эту информацию в областную газету «Советское Зауралье» с сообщением о том, что разработанный в КНИИЭКОТ аппарат для позвоночника применен на больных в Казанском НИИ. Заметка вызвала возмущение у некоторых моих коллег по институту. Они стали мне говорить: «Какой аппарат? Кто его видел? Кто разрабатывает его у нас? Это все обман!» Мне пришлось ответить им, что я соавтор аппарата, я передал его в Казань, и кто там лечит больных, и т. д.

Успокоились. Но даже после лечения в Казани 10-20 больных с патологией позвоночника наши молодые сотрудники, бывшие на конференции в Казани, и слушавшие результаты по применению аппарата, рассказывали в КНИИЭКОТ, что в Казанском НИИ уже оперируют на позвоночнике новым аппаратом, не зная при этом, что это и есть аппарат, разработанный нами в КНИИЭКОТ. Пришлось и им рассказать про наши разработки.

Даже Илизаров как-то меня спросил: «А вы знаете, что в Казани применяют аппарат на позвоночнике?» — «Да, знаю», — ответил я. Я-то хорошо знал, ибо эти аппараты я и передал в Казань. Казанские коллеги в лаборатории у нас изучали аппараты, а затем про каждого оперированного больного рассказывали мне по телефону. Только у нас в КНИИЭКОТ аппарат не применяли! Не открывали отделения по вертебрологии. А вообще-то исследования по разработке аппарата проводили по закрытой тематике. Вот почему никакой информации в коллектив не поступало. Реакция некоторых моих коллег могла быть повежливее...

С мая по июль 1992 года Илизаров собирал научные материалы для издания докладов за рубежом. Как всегда, нам были даны указания

еще раз посмотреть материалы исследований и отобрать наиболее интересные результаты. Предложили показать материалы и сотрудникам нашей научной группы.

С материалами я пришел к Илизарову 20 июля 1992 года. Мы смотрели рентгенограммы и оценивали результаты — по коррекции позвоночника. Илизаров говорил очень тихо, внезапно погружался в кратковременный сон, просыпался и вновь рассматривал рентгенснимки. В целом они его не удовлетворили. Он сказал: «В ходе доклада нужны слайды, на которых бы демонстрировались большие деформации позвоночника, и тогда эффект, примененный нашим методом, был бы более выражен». Этот материал в доклад к директору не попал.

Не могу забыть и разговор, связанный с экспериментом по спинному мозгу. Какая-то навязчивая идея не давала Илизарову покоя. Он снова спрашивал про результаты по полному пересечению спинного мозга. Я ответил, что этот вопрос решать трудно, хотя вырисовываются кое-какие пути. Илизаров подумал и сказал: «Я закрою эту тему. Сколько вы над ней работаете? Десять лет? Мы не можем больше ждать. У вас есть наблюдения, где после полного пересечения спинного мозга собака стала ходить?» — «Есть», — ответил я. «Сколько надо было времени, чтоб поставить ее на ноги?» — «Шесть месяцев», — ответил я. — «Ну вот даю еще шесть месяцев», — тихо сказал Илизаров «Хорошо», — ответил я, — «не получится, сам уйду из института».

Мне стало обидно. Лечение больных со спинальными параличами — это проблема всего человечества. Она нигде не решена. Почему я, научный работник, должен взять на себя всю ответственность и быть наказанным увольнением с работы? Что ж, подумал я, в истории есть факты, когда один берет на себя ответственность за многих научных исследователей.

Для меня лишение возможности заниматься наукой означало биологическую смерть. Наука — смысл моей жизни. Наверное, мои переживания и обиды были услышаны Всевышним, и он отвел угрозу, нависшую надо мной. Я продолжил научную деятельность.

В целом, оценивая нашу совместную с Илизаровым работу по проблемам патологии позвоночника, я не хочу, чтобы у читателя сложилось отрицательное мнение о наших взаимоотношениях. Напротив, я хотел этими воспоминаниями воспроизвести объективную реальность научного творчества, показать межчеловеческие отношения, какие они были на самом деле. Так сказать, кухню, психологический климат. Должен отметить, что Илизаров ценил меня как научного сотрудника, верил мне. Я ни разу не позволил сделать «угодный» научный факт.

Деятельность Илизарова была необыкновенно многогранной и насыщенной. Его волновало и интересовало все. А реакция на «раздражение» всегда была одинакова — разгон, пусть маленький, но разгон. Он считал, что высокая требовательность и создание, так сказать, «условий страха» для работника — это гарантия дисциплины и творческого труда. Так, что я воспринимал его таким, как он был. Общение с ним в домашней обстановке — полный контраст обстановке официальной.

24 июля 1992 года Гавриил Абрамович Илизаров скончался. Смерть эта для многих из нас была так неожиданна, что трудно было поверить! Я с супругой Тamarой Андреевной и дочерью Ларисой Абрамовной посетили покойного в его квартире и возложили цветы. Квартиры Илизарова и моя находились в одном доме, наши балконы почти соприкасались.

Город прощался с Илизаровым в институте. Гроб положили на постамент, установленный в большом актовом зале ВКНЦ «ВТО». Кругом море цветов. Тихо звучала траурная музыка, У гроба в почетном карауле стояли его сотрудники, сменяя друг друга. В последний путь великого хирурга провожали десятки тысяч человек. На всем пути от института до кладбища стояли толпы людей со скорбью на лицах, провожая траурную процессию.

Ушел из жизни великий человек! Он похоронен на старом кладбище. (Недалеко от его могилы, к слову, могила моей мамы — Магаршак Ханы Абрам-Хаймовны).

Генеральным директором КНИИЭКОТ стал достойный ученик Илизарова доктор медицинских наук Владимир Иванович Шевцов, проработавший с ним более 22-х лет.

Идеи Илизарова живут. Ученики передают их своим ученикам, а те — своим, образуя живую книгу вечной памяти о нем.

14-16 июня 1993 года в Кургане состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с участием иностранных специалистов, посвященная памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, академика РАН, профессора Г. А. Илизарова на тему: «Метод Илизарова — достижения, перспективы развития». На конференции с блестящей речью выступил В. И. Шевцов, новый генеральный директор ВКНЦ «ВТО». Он рассказал о неопенимой роли великого травматолога-ортопеда в развитии мировой медицинской науки. Доклад этот — живой памятник ученому.

Конференция проводилась не в день смерти Илизарова, а в день его рождения. Идея эта предложена профессором В. И. Шевцовым, и доктором медицинских наук Л.А. Поповой. Сам этот факт свидетельствует, что дело Илизарова продолжает жить, а его ученики достойно про-

должают начатое им дело.

На могиле Илизарова стоит большой мраморный памятник с изображением его портрета. Перед зданием Российского научного центра восстановительной травматологии и ортопедии установлен бюст Илизарова. В руках он держит свое детище — аппарат. В составе авторского коллектива памятника — Ю.А. Чернов, В.И. Шевцов. Выполнен памятник московским скульптором Ю.А. Черновым. Перед кабинетом, где работал Илизаров, и в доме, где он жил, установлены памятные доски. Издается журнал — «Гений ортопедии». Сегодня операции на позвоночнике делают в Казанском, Свердловском, Курганском НИИ, Проводят их и в центральных больницах Курганской области. На позвоночнике применяют наш аппарат.

Особый интерес представляет лечение осложненных переломов позвоночника, сопровождающихся параличами конечностей и расстройствами функции тазовых органов. Теоретическим обоснованием применения аппарата является создание последним максимально приближенных к норме топографо-анатомических соотношений поврежденных позвонковых сегментов, что способствует улучшению условий для компенсаторных возможностей. Эти задачи решают главные условия для регенераторного процесса, а именно — улучшения кровообращения в поврежденно-позвонковом сегменте, а также дистанционных расстройств, исключают всякие раздражения спинного мозга от костных и мягкотканых компонентов.

Принципиально новые подходы применяются к лечению больных со спондилолистезом. На очереди лечение больных с деформациями позвоночника. Основой в лечении патологии позвоночника является метод Илизарова. Ведущее моего в процессе восстановления оси позвоночника принадлежит нашему аппарату, применение которого решает комплекс вопросов, способствующих благоприятному лечению как при травме позвонков, так и спинного мозга.

У нас в институте в отделении вертебрологии трудятся высококвалифицированные специалисты по чрескостному остеосинтезу. Такие как доктор медицинских наук В. И. Шевцов, кандидат медицинских наук А.Т. Худяев, старший научный сотрудник к.м.н. П. И. Коваленко, разрабатывающий со мною в течение 12 лет проблему деформации и травмы позвоночника и спинного мозга. К работе привлечены и многие другие специалисты (научный сотрудник-инженер Ю.А. Муштаева, патентовед Т. Н. Коваленко, В. Н. Тимофеев),

Весь этот многопрофильный коллектив, объединенный общей идеей, направлен на разносторонний творческий поиск с единой целью — помочь больным вернуться к активной жизни. И

я отдал этой цели почти 20 лет жизни. С 1974 по 1992 годы я подготовил 14 отчетов, посвященных проблеме позвоночника и сосудам тазовых конечностей при удлинении. Во всех темах руководителем был Илизаров. Объем отчетов составил 770 страниц машинописного текста, в них помещены сотни фотографий ангиограмм, анатомических и гистологических препаратов. Совместно с Илизаровым напечатано 49 статей; подано 26 заявок на изобретения, на 14 из них получены авторские свидетельства. Последняя заявка на аппарат для лечения повреждений шейного отдела согласована за 4 дня до смерти Илизарова (20 июля 1992 года). Совместно с Илизаровым создана монография.

В отделении вертебрологии КНИИЭКОТ появились первые американские гости. После обхода отделения и просмотра больных с травмой позвоночника и спинного мозга доктор А. Д. Грандт спросил: «Почему вы берете на лечение больных с очень застарелой травмой? Мы берем на лечение только со свежей травмой спинного мозга. Это соответствует современным канонам медицины». — «А мы не верим этому, сомневаемся в канонах и берем на лечение всех больных», — так мы отвечаем.

...Я позволю привести два отзыва, написанные больными, прошедшими в отделении вертебрологии курс лечения. Вот один из них. «Я, Муллакаев Ришат Азатович, поступил в КНИИЭКОТ, отделение вертебрологии в январе 1993 г. У меня был диагноз: травма первого поясничного позвонка, паралич голеностопных суставов и стоп, я не ходил. Травма была 6 месяцев назад. Операцию сделали 24 февраля, был установлен на позвоночник аппарат Илизарова. До установления аппарата я не ходил, сидел с трудом. После установления начал сидеть свободно, ходить стал на костылях через 3 месяца. Аппарат переносил хорошо, никаких болезненных ощущений не было. Можно сказать, почти не чувствовал, что у меня на спине установлен аппарат. Его сняли 23 июня. После снятия чувствую себя хорошо, никаких побочных явлений нет. 02.08.1993».

Надо сказать, что у больного к этому периоду сохранились трудности с функцией тазовых органов. Больной выписан домой.

Второе письмо написано Наташей из Воронежа. Она лежит парализованной с 15 лет. Сейчас ей 23 года. Она приехала к нам в институт в этом возрасте. У нее травма в грудном отделе позвоночника с полным анатомическим перерывом спинного мозга.

Вот что она написала: «В отделении вертебрологии КНИИЭКОТ мне наложили аппарат 2июня 1993 г. Через 7 лет после травмы. До поступления в КНИИЭКОТ я обращалась во все ведущие клиники страны. Результата никакого.

Ноги оставались парализованными. Подруги росли, выходили замуж, а я оставалась в постели. Решила приехать в Курган. Сразу после операции каких-либо изменений в организме не заметила. Недели через две-три появилось ощущение поясницы, стала чувствовать, когда накрывали одеялом. Где-то еще через неделю в течение двух дней простреливало правую ногу от передней части бедра через заднюю часть голени до стопы. В это время лежать на правом боку нельзя было из-за прострелов. Больше такого не повторялось. С аппаратом перестали работать 20 июля (весь период более полутора месяцев проводилась работа с аппаратом). Я уже стала передвигаться на коляске. Сразу же отметила улучшение функции мочевого пузыря: мочиться стала гораздо реже и выделялось большое количество мочи. Месяца через полтора после фиксации аппарата стала замечать новые для себя ощущения: появилась чувствительность в левой ноге и стала чуть больше в правой. Могу определить, за какую ногу берут, но в левой ноге это выражается чувством жжения, а в правой более или менее определенно по наружной стороне голени и передней части бедра.

Улучшилась чувствительность и по правой стороне спины. Раньше во время перевязки не чувствовала, когда обрабатывали стержни с правой стороны, сейчас даже у верхнего чувствую холодную мокрую повязку, а у нижних — боль (когда были раны). Стала лучше ощущать поясницу. И еще, когда вяжу и задеваю спицей за левое бедро, то чувствую, в каком месте задевает поверхность ноги. Иногда, когда пытаюсь согнуть пальцы на ногах, замечая слабое движение, совпадающее с моей «командой». И последнее: через два месяца после операции нарушился цикл. 12 октября 1993".

О последней ее информации, связанной с нарушением цикла: это временное явление, наблюдаемое у всех больных женщин, которым наложен аппарат, даже на конечностях.

При повторном посещении нашего института американскими хирургами один из них, руководитель отдела травматологии Фрэнк Наварра из Мемфиса сказал: «Я видел здесь восьмое чудо света!»

Так оценивают наши первые шаги коллеги из-за рубежа. Это, безусловно, вселяет надежду, но и тревогу — за взятую на себя громадную ответственность перед человечеством.

За всех больных, страдающих параличом, в какой бы стране они не жили, и независимо от их вероисповедания, мне хочется сказать словами из Сидура, Врата Молитвы: (8), «Исцеление»: «Исцели нас, Господь, и мы будем исцелены; ...И пошли нам полное исцеление от всех недугов, ведь ты Бог, Царь, — Целитель надеж-

ный и милосердный».

Вспоминая годы работы рядом с Илизаровым, могу сказать, что я честно выполнял свой долг, И считаю, что оправдал доверие Гавриила Абрамовича. Все, что зависело от усилий человека, было мною сделано. Все двадцать лет я разрабатывал его идеи — с успехом или без успеха.

С упорством, собирая новые научные факты, я понимал, что они создают основу для принципиально новых подходов к некоторым проблемам патологии позвоночника (деформации, травматические повреждения).

Путь этот проходил через моделирование патологических ситуаций и разработки способов, устраняющих и создающих условия для восстановления нормальной функции. Какими бы не были наши результаты, особенно если очень удачными, я всегда уважительно относился к трудам своих предшественников, работавших ранее над аналогичной проблемой. Никогда не отвергал их.

Я всегда был убежден в том, что в природе существует десятки вариантов одной болезни, протекающих соответственно индивидуальным особенностям человека. Невозможно создать один универсальный способ, эффективный при разнообразии вариантов одной патологии. Считаю, что все способы, созданные разными авторами независимо от их времени, могут быть пригодны, если несут в себе положительный эффект.

Как будут о нас судить потомки, изучая наши экспериментальные модели, какое место они займут в науке и займут ли, покажет время. Но сегодня уже видно, что последователи анатомизируют наши эксперименты, и весьма активно. Каждому делу свой период времени.

Время — судья всему и вся. И мое время на исходе. Был день первый: март 1974-го — встреча с Г.А. Илизаровым. И настал день последний — июль 1992-го — похороны Г.А. Илизарова. Время работы с ним остановилось.

Метод чрескостного компрессионно-дистракционного остеосинтеза по Илизарову применен в хирургии позвоночника, «Штурм позвоночника — вершины ортопедии», как говорил покойный Л.И. Шпаер, — начался. Идеи Илизарова в хирургии позвоночника материализовались, но лишь после ухода его из жизни.

Один мексиканский хирург Fernando De la Huerta заметил, что если метод Илизарова на трубчатых костях внедрялся по всему миру 30 лет, то для позвоночника понадобится 100 лет. Что ж, пусть эти слова станут пророческими. Они на целый век прогнозируют жизнь метода. Да поможет нам Господь БОГ.

В одной из своих проповедей Иисус Христос сказал: «Да и кто из вас, заботясь, может приба-

вить себе росту хотя на один локоть?» Ответ последовал спустя 2000 лет. Рост человека прибавил наш современник Гавриил Абрамович Илизаров. Да сохраним о нем светлую память и передадим ее потомкам.

Не могу не сказать, что в становлении Илизарова большая роль принадлежит партийному руководству Курганской области в лице первого секретаря Обкома КПСС Филиппа Кирилловича Князева и секретаря Обкома КПСС по идеологической работе Павла Алексеевича Матвеева. Они помогали Илизарову не только в обеспечении организации института на областном, министерском уровнях, но и на уровне ЦК КПСС и правительства. У Илизарова должна была состояться встреча даже с Брежневым. Были подготовлены иллюстративные материалы, свидетельствующие о медицинских достижениях, но встреча не состоялась.

Повседневная роль Обкома КПСС заключалась в постоянном, неназойливом курировании не только коллектива института, но и работы Илизарова. На партийных собраниях института нередко присутствовали партработники всех уровней, очень часто в институте присутствовали высокие гости. Всеми этими вопросами занималась администрация института и парторганализация. Надо отдать должное Илизарову, что к каждому подобному факту он относился весьма серьезно, добросовестно, без шаблонов. И это давало положительные результаты, как в коллективе, так и у руководства области. Большую помощь в организации партийной работы в институте оказывала инструктор Обкома КПСС М.С. Рюмина. Она помогала в работе секретарям парторганализации. Мне довелось несколько лет работать в составе партбюро и даже возглавлять работу парторганализации. Сказать откровенно, это было и почетно, и чертовски трудно. К примеру, простой вопрос о соблюдении Илизаровым партдисциплины.

Из воспоминаний моей работы секретарем парторганализации запомнился случай первой официальной встречи с П.А. Матвеевым. Он пригласил меня в Обком на беседу. Так сказать, для формального знакомства. Хотя поводом для этого послужили события в институте, связанные с присуждением Государственной премии Илизарову и ряду сотрудников.

Обсуждение этого вопроса на заседании Ученого совета проходило неоднозначно, а, честно говоря, бурно. Претендентов много, а возможностей мало. Чтобы успокоить членов Ученого совета, я выступил с «миротворческой» речью. Сказал, что вопрос о кандидатах на присуждение Госпремии на заседании партбюро не обсуждался. Хотя, как секретарь, я знал, что вопрос обсуждался на заседании администрации,

Кстати, в составе партбюро состояло много членов Ученого совета. Так что практически активно-агрессивное обсуждение этого вопроса из заседания партбюро автоматически перенеслось на Ученый совет. После моего выступления на совете как будто удалось этот вопрос решить мирно.

Но так думал я, некоторые сильные мира сего придерживались другого мнения. Имею в виду руководство института и некоторых приближенных к нему. На меня обиделись. А в этой связи я был приглашен к Матвееву П.А. В целом вопрос о Государственной премии обострился в связи с тем, что в Обкоме не было поддержки на сей счет. Да и большинство членов Ученого совета не поддерживало кандидатов.

В последствии мне пришлось выдерживать атаку, предпринятую администрацией на меня и переживать негативные ее последствия. Премии не дали. Я к этой акции не имел прямого отношения. Все решалось в верхах, там что-то не поделили.

Вторая встреча с П. А. Матвеевым состоялась в связи с юбилеем Илизарова. В этот период в стране проходила очередная кампания, посвященная борьбе с разного рода взятками. Одним словом, разговор состоялся в следующем русле: «Если нам станет известно, — сказал Матвеев, — что Илизаров в связи с юбилеем примет дорогие подарки, то вы, как секретарь партбюро, первый лишитесь партбилета, а Илизаров — второй». — «А цветы принять ему можно?» — спросил я по наивности. Ответ был утвердительный,

Я понимал, что это лишь декорация. Илизаров приобрел уже такую силу, что не нуждался в защите Курганского обкома партии. Но надо сказать, что он относился к обкому весьма уважительно. Никогда не отделялся от него и не старался выделяться. Так, к при меру, на XIX партконференцию, проводимую М. С. Горбачевым, выезжала делегация Курганского обкома партии. В обком Илизаров и я, как сопровождающий его, приехали на автомобиле. Делегаты собрались во дворе обкома, откуда сели в автобус. Туда же сел и новый секретарь обкома Плеханов. Я предложил Илизарову отпустить машину и сесть в автобус, присоединиться ко всем делегатам. Он сделал в сторону автобуса один шаг, остановился и вернулся к своей машине. Автобус поехал на аэродром, мы двинулись вслед за ними. В аэропорту Илизаров предъявил претензии организатору этой поездки, почему его не предупредили, что вся делегация поедет в автобусе, а он приехал на автомобиле, и тем самым оказался в неловком положении.

Он гордился тем, что избран делегатом XIX партконференции. Причем, коллектив института избрал его единогласно.

Были прорехи в уплате членских партвзносов. В силу занятости, забывчивости Илизарова мне пришлось эту работу взять на себя. И вопрос в конечном итоге был отрегулирован. Пришлось даже сказать Илизарову, что сам Сталин партвзносы платил регулярно, в срок. Илизаров на это ничего не ответил.

Когда настал срок переизбрания меня как секретаря парторганизации, Илизаров просил остаться на этой работе. Он сказал: «Мне нравится, как вы работаете.» Это было им высказано в присутствии секретаря райкома Носовой П. Но я отказался: был обижен в связи с компроматом на меня, не мог этого простить. К тому же научные разработки занимали много времени и отнимали много здоровья.

Илизаров возвращался с работы всегда очень поздно. Однажды мы поехали домой вместе. Разговор в машине шел о создании Всесоюзного центра ортопедии и травматологии. Эта идея Илизарова созревала, обсуждалась и до моего прихода на работу в институт. Выходя из машины, Илизаров с грустью сказал, что с этим вопросом он обращался и к председателю Совета Министров Рыжкову, к секретарю ЦК КПСС Горбачеву, но дело движется медленно. Куда теперь обращаться, спросил он, глядя на меня. И тут же сам ответил: «Остался один Бог». Я сказал: «Успеете встретиться с ним». Илизаров промолчал...

Сейчас нет строя, называемого социалистическим, который обеспечивал равную заботу о человеке. Сегодня, 1994-95 г.г., новый строй, основанный на рыночной экономике, не позволяет администрации г. Кургана обеспечить всемирно-известный институт травматологии и ортопедии им. акад. Илизарова средствами для его нормального существования.

Из-за недостаточного финансирования в институте отключают телефоны, радио, отменен транспорт, резко сокращены средства на пита-

ние и лечение больных. Из-за дороговизны междугородного транспорта поредел поток больных для лечения в институт. Сокращены расходы на науку, на дальнейшее развитие метода Илизарова. А он, покойный, и оттуда видит и знает, знает, но молчит...

Весьма характерной чертой Илизарова явились последовательность и верность выработанным принципам. Это особенно ярко проявилось в период перестройки (1985-1992г.) Илизаров твердо стоял на идеологических позициях, связанных с политикой ЦК КПСС. Хотя в период высокой стабильности партии, он нередко в силу правоты своих действий, совершал дела, которые в тот период особенно не поощрялись. Это касается поездок за границу, дружбы с учеными-иностранцами, распространения своего учения по травматологии и ортопедии по всему миру.

Когда со всего этого были сняты запреты и КПСС подверглась резкой критике, Илизаров встал на защиту партии и ни разу не отступил от своих позиций. Об этом свидетельствует вся его деятельность. И это он делал не в благодарность коммунистам, поддержавшим его, а в силу своей убежденности, в силу своей порядочности.

Часто ему предлагали покинуть маленький город Курган, переехать в столичные места и даже другие престижные страны. Он был предан своему городу, его населению, коллективу института. До конца своих дней он не покинул Кургана, свой институт, оставаясь в нем живым и мертвым.

Хотелось бы добавить ко всему, что ритуальный обряд над покойным совершали служители Московской синагоги. Поскольку Илизаров был горский еврей.

(Продолжение следует)